

ций детского сада Общества народных университетов в Уфе с 15 по 20 апреля 1913 г. // Секция детского сада Уфимского общества народных университетов : отчет за 1912/13 год. Уфа, 1913. С. 16—21.

Стрежнева Е. Д. Отчет о работе в народном детском саду // Секция детского сада Уфимского Общества народных университетов : отчет за 1911/12 год. Уфа, 1913. С. 12—28.

УДК 94(470.5).05/06

А. С. Криворучко

СЕРБЫ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Рассматривается история проживания на Урале в первой половине XVIII в. сербов, сербской диаспоры. Приводится история жизни одного из представителей сербов. Публикуется протокол, в котором серб Дмитрий Милутинович отразил свое представление о русских.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сербы; международные отношения; Урал; винокурни.

История отношений между Россией и Юго-Восточной Европой насчитывает века. Это объясняется необыкновенным духовным родством: население Балканского полуострова в большинстве своем православное. А кроме того, политическими связями, начало которых относится к середине XVII в. Поиск помощи в борьбе с завоевателями заставил славянских паломников прийти в Москву.

С тех времен, когда юго-восточные славяне, пришедшие с обозом послов в столицу государства, увидели Россию, стали появляться их первые свидетельства. К таким первопроходцам можно отнести Ю. Крижанича, П. Соларич. Позднее на российской службе находилось много представителей юго-восточных славян, занимавших высокие посты в российском государстве: Савва Лукич Владислав-Рагузинский (иммигрировавший граф Владиславич), Иван Хорват, братья М и Г. Милорадовици, Райко Прерадович и др. [Славянские народы ..., с. 61].

Статья посвящена сербской диаспоре на Урале. Первые сведения о сербах на Урале относятся к 30-м гг. XVIII в., о чем в своей книге пишет Н. С. Корепанов:

В Екатеринбурге тогда появился поверенный какого-то невысокого чина из Малороссии, купец «сербской природы» Дмитрий Милутинович. О застольях в доме Геннина упоминается в документах крайне редко, но это как раз такой случай. Собрались сам генерал, генеральский адъютант Александр Уваров, ассессор Рудаковский и этот самый Милутинович. Все дела сделаны, скоро в столицу, настроение благодушное. Разговор зашел об иных странах

и народах, «о обхождении в других государствах». Милутинович и ляпни что-то об извечном российском. Вы-де россияне тираны. Никогда-де в России законов не было, а одно сплошное тиранство. Разговор вмиг смолк, и запахло в воздухе «словом и делом государевым», но стула из-под купца Геннин не выбивал. На кратком дознании допрошенный Милутинович признал: «Будучи за обедом, в разговорах говорил я такие речи, что-де у нас хотя кто и под караул попадет, то-де караульщики с ними поступают милостиво. А ежели-де кто попадется под арест здесь, хотя-де и честный человек, то с ним поступают тирански». Тем дело и кончилось, и генерал определил: «Признается, что в тех его речах (злого умысла. — *Авт.*) нет, но токмо одне его с простоты порекательные речи. И что упоминал тиранство, то только о немилости». Бог миловал генерала Геннина, это было его единственное за двенадцать лет на Урале определение о политике [Корепанов, с. 269].

Следует отметить, что автор приведенного выше текста несколько произвольно интерпретировал источники. Комплекс документов, использованный для реконструкции приведенного выше разговора, включает копию протокольной записки с подписями В. И. Геннина и ассессора Игнатия Рудаковского, протоколы допросов, судебное решение. В них достаточно полно отражена ситуация, произошедшая за столом В. И. Геннина во время обеда, и проступок серба Д. Милутиновича. Из-за непристойных речей в адрес россиян он был допрошен. Сразу подчеркнем, что не только серб позволил себе подобную «оплошность»: В. И. Геннин сам неоднократно высказывался в том же духе. Например, о местных надзирателях: «...и из оных некоторые так тирански поступают, что, напившись пьяные, бьют и мучают крестьян...», а нужно наказывать «...по утру, не пьяные, с рассуждением, а не по-тирански...» [Геннин, с. 367—368].

На обеде присутствовал ассессор Камер-коллегии И. Рудаковский. Он приехал в ноябре 1733 г. в Екатеринбург из столицы на основании указа Сената, занял важный пост в руководстве вслед за В. И. Генниным, не собиравшись долго оставаться на Урале и не желал никаких скандалов. В. И. Геннин покидал горную столицу, но также не желал неприятностей. Услышав от серба «непристойные слова», чиновники решили перестраховаться — началось следствие.

Обратимся к комплексу подлинных документов. В протокольной записке зафиксировано:

1743 году августа в 28 день в Сибирском обер-бергамте от артиллерии господин генерал лейтенант де Геннина, да от государственной коммерц-коллегии ассессор Игнатий Рудаковский приказали в протокол записать: понеже сего августа 26-го дня при столе его генерала лейтенанта, во время обеда при котором были оной ассессор Рудаковский, да адъютант его генерала лейтенанта Александр Уваров, да прибывший с Москвы поверенной капитана

Федора Петрова сербской природы Дмитрий Милутинович. И между прочими речами в разговорах говорил он, Милутинович, такие слова: что де россияне — тираны. Того ради его Милутиновича допросить в обер-бергамте — почему он признавает россиян тиранами и кого и для чего [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1114].

В этот же день появился следующий документ:

1734 года августа в 28 день в присутствии в Сибирском обер-бергамте господина от артиллерии генерала лейтенанта и кавалера де Геннина, да от государственной коммерц-коллегии асессора Игнатия Рудаковского, прибывший из Москвы поверенный капитана Федора Петрова сербской природы Дмитрий Милутинович допрашиван по следующим пунктам:

Вопрос Дмитрию Милутиновичу	Ответ его, Дмитрия Милутиновича
<p>1:</p> <p>Сего 1734 году августа в 26 день при столе от артиллерии господина генерала лейтенанта де Геннина во время обеда ты был ли и зачем и с кем?</p>	<p>На 1:</p> <p>Сего августа в 26 день во время обеда при столе господина генерала лейтенанта я был, обедал вместе с ним господином генералом лейтенантом, да при нем же были и обедали господин асессор Рудаковский, да адъютант Александр Уваров.</p>
<p>2:</p> <p>В то время будучи за обедом такие слова что де россияне — тираны, ты говорил, и буде говорил, то почему признаваешь россиян тиранами и кого и для чего?</p>	<p>На 2:</p> <p>Будучи за обедом в разговорах говорил я такие речи, что де у нас хотя кто и под караул попадается, то приставленные караульщики над ними с ними поступают милостиво. И при том же сказал — а ежели кто попадется под арест здесь, хотя де кто честной человек, то с ним поступают приставленные караульные тирански.</p>
<p>3:</p> <p>О всех ли россиянях признаваешь, что так тирански поступают?</p>	<p>На 3:</p> <p>Не о всех, но только об одних говорил, которые приставлены бывают для караула падших в несчастье. И то не все приставленные караульщики, но иные из них поступают противно упавшим, которые в несчастье обретаются.</p>

Под ответами Дмитрия Милутиновича есть подпись- автограф.

В этот же день был допрошен адъютант В. И. Геннина Александр Уваров. В допросе он сказал:

Августа в 26 день во время обеда при столе господина генерала лейтенанта прибывший из Москвы поверенный капитана Федора Петрова сербской природы Дмитрий Милутинович в разговорах о народе и о обхождении их других государств между прочими речами говорил такие речи: что ежели де в наших странах хотя кто впадется и в несчастье за арест, то приставленные над ними караульщики поступают с ними совестно и с ласкою. А здесь де, в России, ежели кто впадется в несчастье и под арест, хотя и честные люди, то де приставленные к ним караульщики поступают с ними очень немилостиво, но тирански. А оную речь о всех ли приставленных караульщиках обще или не о всех, выключая иных, говорил, того он адъютант Уваров не дослышал.

Итоги допросов подвели 29 августа В. И. Геннин и И. Рудаковский. Они констатировали: «понеже из сего признается, что в тех его Милутиновича речах нет, но токмо одне его с простоты (подстрекательные) речи и что упоминал тиранство, то только признается якобы не к милости. Того ради сообщить сие дело в обер-бергамт по повиытию впредь для ведома».

История закончилась для серба благополучно.

Но поиск документов продолжился, и круг дел о Дмитрие Милутиновиче расширился. Он прибыл на Урал в 30-е гг. XVIII в. Прежде чем перейти к составлению его портрета, стоит упомянуть о другой личности — Никите Петрове, а также затронуть систему продажи спиртных напитков в России.

В 1705 г. Петр I в торговле водкой перешел к откупной системе. Государство в этом случае получало большую прибыль вне зависимости от результатов розничной торговли. Новая система сочеталась с казенной продажей. Здесь проявили себя наиболее активные и энергичные люди. В 1716 г. Петр I ввел свободу винокурения в России и обложил всех винокуров пошлиной, исчисляемой и с оборудования (кубов), и с готовой продукции (выкуренной водки). С этого момента винокурение превратилось в одну из отраслей земледелия, так как им занимались все, кто производил зерно [см.: Похлебкин, с. 210].

В 1726 г. питейный откуп получил Никита Петров [см. об этом: Корепанов, с. 26]. Он был избран на должность заводского купчины, старосты екатеринбургского купечества. Никита Петров был обладателем крупных капиталов, но в конце 1720-х гг. у него появляется соперник — приехавший из Малороссии грек Андрей Петрович Сапалинов (Андрей

Петров), вступивший в 1727 г. в питейный откуп. С этим именем и связано появление Дмитрия Милутиновича, т. к. именно после смерти Андрея Петрова все его состояние переходит в управление серба. У Никиты Петрова была винокурня в пяти верстах от Уктуса в селе Бобровском Арамилской слободы на Бобровом ключе, а на Поповом ключе Уктусской винокурней и винокурней в землях Невьянской слободы после кончины владел с 1734 г. Д. Милутинович [см.: Там же, с. 41]. Таким образом, можно сделать вывод, что серб мог приехать на Урал вместе с А. Петровым в 1727 г. А с 1734 г. он был уже здесь постоянно.

Приехав в Екатеринбург, серб начал заниматься торговлей. В книге Н. Корепанова упоминается сделка по продаже дома: «Стандартный командирский дом с двором, проданный в декабре 1734 г. Дмитрием Милутиновичем поверенным Акинфия Демидова (4-й от плотины на правом берегу пруда, фасадом обращенный на пруд), стоил 80 рублей, да к тому же освобожденный от постоев» [Там же, с. 53]. Автор статьи называет сумму в 18—20 руб., за которую можно было купить стандартный дом мастерового или солдата. Дом был куплен 15 января 1734 г. Андреем Петровым, который передал его приказчику своему в содержание Павлу Николаеву, а 31 декабря 1734 г. этот дом уже был продан Д. Милутиновичем.

Следующее рассматриваемое дело позволило уточнить отчество Милутиновича — «Дмитрий Иванов сын Милутиновича». Имеется ряд документов, отражающих общую направленность деятельности Д. Милутиновича. К ним относится вексель [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1114]; документ, подтверждающий покупку земель у крестьян в 1734 г. [Там же, д. 1158]. Интересно отметить, что в одном из документов [Там же, д. 673] Милутинович назван греком, что порождает новые вопросы.

Подводя итог, следует отметить, что люди «сербской нации» появлялись на Урале и в последующее время. Многие из них не по своей воле. Так, в годы Первой мировой войны многие из них оказались в числе пленных на уральских заводах, т. к. сражались не на стороне России [см.: ГАЧО, ф. 37, оп. 1, д. 202]. Но это уже другая история.

ГАСО. Ф. 24.

ГАЧО. Ф. 37.

Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. 663 с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006.

Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. Новосибирск; Красноярск, 1995. 415 с.

Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. / отв. ред. И. И. Лециловская; Ин-т славяноведения. М., 2003. 315 с.